

Марина
СЕРОВА

Любовница ГОДА

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова
Любовница года

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Любовница года / М. С. Серова — «Эксмо», 2015 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-699-85550-6

Конкурс красоты – мероприятие сомнительное. Ведь не всегда понятно, кто же соревнуется: красотки или их спонсоры... Ни для кого не было секретом, что первое место было изначально «куплено» для Милы ее любовником, «колбасным императором» Смирновым. Однако победила Катя – любовница «молочного короля» Артемьева. Накануне финала Мила покрылась ужасной сыпью и не смогла продолжать участие в гонке за короной. Поползли слухи, что аллерген, вызывающий такую кожную реакцию, содержится в веществе, применяемом в молокообработывающей промышленности. Вскоре Артемьев был убит, а Смирнова задержали по подозрению в его убийстве. Мила, уверенная в невинности любовника, наняла частного детектива Татьяну Иванову для поисков настоящего убийцы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85550-6

© Серова М. С., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Серова

Любовница года

© Серова М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

– Ну так что, я стартую?

– Валяй!

Светка, моя давняя подруга и гениальная парикмахерша, бодрым голосом подтвердила свое согласие в очередной раз сделать из меня совершенство, и я вылетела из квартиры, радуясь, что у всех сегодня такое же прекрасное настроение, как у меня.

А для хорошего настроения были все поводы.

Буквально на днях я закончила сложное и запутанное расследование, занявшее целую неделю, и благодарные клиенты в качестве дополнительного бонуса к гонорару пригласили меня на крутой корпоратив, где собиралась вся городская элита. Собственно, и клиенты эти были далеко не последними ее представителями, и для налаживания перспективных связей такое приглашение пришлось мне как нельзя более кстати.

Ну а чтобы сойти в такой компании за свою, выглядеть нужно было соответственно. Поэтому я и позвонила Светке.

Оказалось, что ближайшие два часа у нее свободны и она полностью может посвятить их только мне одной. Сейчас было три, вечеринка начиналась в шесть, так что после посещения парикмахерской я успевала заехать домой и облачиться в парадно-выходной туалет, который вчера обдумывала полночи.

Богатая и счастливая, не спеша двигалась я по дорогам родного города и даже пробок не было в этот день, – настолько судьба оказалась благосклонна.

«Сейчас из Золушки меня превратят в принцессу, а заодно расскажут все последние городски сплетни», – думала я, заходя в зал, где колдовали служители прекрасного.

Света сияла как солнце. Какие-то, вероятно, очень позитивные новости, просто переполняли ее, и, опасаясь, что она взорвется, не в силах сдерживать в себе потоки слов и эмоций, я поспешила сесть в кресло и предоставить свою голову в ее распоряжение.

Как истый профессионал, Света начала с главного.

– Цвет платья?

– Черный, разумеется. Мероприятие солидное.

– Одобряю. Тогда губы сделаем ярко, волосы пышно, а глаза... глаза...

– Темно.

– Темно?

– Темно. Тени – глубокие, ресницы – длинные. И никакого разноцветья. Пятьдесят оттенков серого.

– Как скажешь. Желание клиента для нас закон.

Уверенными, доведенными до автоматизма движениями Света стала делать из меня королеву и наконец дала волю переполнявшей ее болтливости.

– По какому поводу праздник?

– Удачное завершение сложного дела, хороший гонорар и – дополнительная благодарность в виде приглашения на крутую вечеринку.

– Ясно. Значит – разбогатела?

– Вроде того.

– Меня тоже можешь поздравить.

– Выгодные клиенты?

– Бери выше.

– В смысле?

– Конкурс красоты!

В этот момент выражение лица моей подруги было таким, будто сама она победила в этом конкурсе.

– Что, причесывала красоток?

– Еще как! Нас там целая бригада была. И визажисты, и парикмахеры, и маникюр, и педикюр, даже аквагримеры были, представляешь?

– Неслабо.

– Не то слово. Пахали как негры. Но и – оправдало себя.

– Теперь машину купишь?

– Виллу в Испании, – сразу помрачнела Света. – Ты что-то со своих не больно-то купила. Так и едешь на своей столетней.

– Ладно, не дуйся. Я же шучу. Расскажи лучше, что там интересенького было на конкурсе. Чай, девчонки зубами друг у друга победу рвали?

– Наивная. Все места распределены были еще до начала. Какой дурак будет на сомнительную фишку ставить? Первые места первым делом с торгов ушли. А потом уж мелочовка распродавалась.

– И кому же достался главный приз?

– Смирнова знаешь? У него мясная империя. Колбасы, деликатесы...

– Ну, личным знакомством похвастаться не могу, но слышала.

– Ну вот. Он свою протеже толкал. А Артемьев – свою. Молочное королевство. Йогурты, творожок... тоже, надеюсь, слышала. Девчонки втихоря так и прозвали этот конкурс мясо-молочным. Но выиграть должен был Смирнов. То ли заплатил побольше, то ли Луганскому больше по душе окорока, чем йогурты...

– Какому Луганскому?

– Эх ты, деревня. Это ж самый главный. Устроитель. Он всю эту заварушку и затеял.

– А он кто – мясной или молочный?

– Поднимай выше.

– Куры гриль?

– Нефтепереработка.

– Ух ты! В каких же высоких сферах ты обитаешь, подруга моя.

– А то! – гордо откинула челку Светка.

– Нам, деревенским, и не мечтать о таком.

– Ладно, не расстраивайся. Вот сходишь на вечеринку, подцепишь себе там какого-нибудь короля бензоколонки, глядишь, лет через десять на «Приору» накопишь.

– Спасибо, добрая моя. Тебя первую приглашу покататься.

Фамилии, которые перечисляла Света, все до единой значились в списке гостей ожидающего меня корпоратива. Но я не стала говорить об этом подруге. Пусть думает, что она – самая крутая. Пусть порадуется. Минуты счастья так мимолетны...

– ...и тогда все поняли, кому назначено первое место, – между тем тараторила Светка. – Главное, зрители на нее ноль внимания, а жюри присуждает да присуждает. И самое смешное, артемьевская девчонка гораздо больше всем понравилась. И мордашка приятная, и вообще... Ей все время хлопали, когда она выходила. А эта... Стерва стервой. И посмотреть не на что. Но что ты хочешь – бабки заплачены, надо отрабатывать.

– Стерва?

– Ну да. Я ей прическу навороченную делаю, с точностью до волосинки... Нанотехнологии, можно сказать. А она сидит, по телефону треплется, башкой вертит туда-сюда. Ну не стерва?

– Ну, знаешь ли... если каждого, кто треплется по телефону, в стервы записывать... Я вот тоже иногда разговариваю. Так что же я, по-твоему, из-за этого уже и стерва?

– Ты-то?! Да ты всем стервам стерва! Стерва из стерв. Самая стервозная стервоза, какая только...

– Спасибо, добрая моя, можешь не продолжать. Твое отношение к красивым женщинам мне предельно ясно. Ты лучше скажи, у этого Луганского, у него своей кандидатуры не было, что ли?

– О-о-ой, там вообще караул. Ну, то есть выпустить-то он ее выпустил, конечно, порадовал девушку, но про какие-то места там даже речи не стоило начинать. Старая, страшная... толстая. Тут никакими бабками не замажешь. Только приз зрительских симпатий – больше никаких вариантов.

– Злая ты, Света. Завистливая.

– Вот уж чему не завидую! Видела бы ты ее.

– Ну а стерва как? Выиграла?

– Да хрен с маслом!

– В смысле?

– А в том и смысле. Видать, у кого-то чувство справедливости выиграло, вот ей фасад-то и подпортили. Слегка. Чтоб не совалась в калашный ряд с таким рылом.

– Что, фонарь под газом поставили?

– Фонарь... Фонарь – это криминал, а там не дураки сидят. Короче, перед финальным дефиле пришли мы их красить и чуем – что-то не то. Все какие-то возбужденные, нервные... как на вулкане. И Милки этой нет и нет. Ну, которая смириновская-то. Главная претендентка. А время идет. Ну, мы потихоньку стали приступать... с задних рядов, как говорится. А то не успеем – сами же окажемся крайними. Кому это надо? Ну а капризные примы могут и в последний момент появиться, это уж испробовано. Ну вот. Приходит эта ихняя менеджерша, – тоже стерва та еще, – и говорит: «Люда заболела». Ну, в смысле, Милка-то. Людмила. Ну, заболела и заболела, наше дело маленькое. На дефиле так и не появилась она, и первое место артемьевской досталось. Кате. Ну, мы порадовались, мол, вот – есть справедливость на свете. А потом слышу – девчонки чего-то шушукуются. Подошла, а там одна рассказывает: Милке этой ночью всю морду дрянью какой-то намазали, она проснулась вся в прыщах. Да такие огромные – никаким гримом не замажешь. И лицо, и плечи... в общем, кругом обработали девушку.

– И кто же этот негодяй?

– Да известно кто. Как говорится, в каждом вопросе ищи, кому выгодно. Первое место кому ушло? Артемьеву. Значит, и посланец от него был.

– И известно, кто именно?

– Шутишь? Кто же в таком признается? Разве вот ты расследуешь, пытливая наша.

– Заплати, я займусь.

– Вот-вот. Всем вам одно только нужно. Короче, ходят слухи, что аллерген, вызвавший такую реакцию, очень похож на некое вещество, применяемое в молокообработывающей промышленности. То ли консервант, то ли стабилизатор какой-то... в общем, что-то в этом роде. А о подробностях история умалчивает.

– Понятно. Что творится на свете!

– Не говори. Просто ничего святого не осталось в людях.

Между тем мой внешний облик постепенно приобретал все признаки совершенства, и я уже была близка к мысли, что и сама смело могу претендовать на какой-нибудь титул какого-нибудь конкурса.

Наконец даже Светка нашла, что работа ее вполне удовлетворительна и что в таком виде меня можно выпускать из цепких лап.

– Ну вот... – говорила она, еще раз оглядывая меня и нанося последние штрихи. – Вот так, пожалуй... пожалуй, можно.

– Светик, ты просто прелесть! – не скупилась я на комплименты. – Это – чудо что такое. А как платье надену, это будет просто... просто ума помрачение!

– Вы обратились к профессионалу, девушка. У нас по-другому не бывает.

На прощанье наговорив еще тысячу комплиментов своей умелой подруге, я села в машину и поехала домой одеваться. Настроение было отличным, и занимательные подробности, сообщенные Светкой, еще больше усилили мой интерес к гламурной вечеринке, которая и без того обещала быть весьма нескучной.

* * *

Вечер не обманул ожиданий. Блистательная сервировка, продуманная программа и восхищенные взгляды, обращенные ко мне лично, – все создавало атмосферу праздника, и хотелось, чтобы он длился вечно.

Одного только я не учла. Эмма – клиентка, пригласившая меня на этот корпоратив, – до настоящего момента видела меня в основном в рабочем костюме, состоящем из майки и джинсов, и, кажется, не ожидала столь разительной перемены.

– Татьяна! Вас просто не узнать, – улыбаясь, говорила она, и на лбу ее ясно читалось, что она уже проклинаят себя за это приглашение.

Но такие мелочи не могли помешать мне радоваться жизни. Я вовсю флиртовала, и среди моих кавалеров отметились оба «короля», упомянутые Светкой.

На Артемьева, пригласившего меня на танец, все это непродолжительное время зверем смотрела какая-то блеклая дама, не иначе – жена, а Смирнов хотя и присутствовал здесь, по уверениям Эммы, без супруги, но и прыщавой спутницы в его окружении тоже не наблюдалось. Что, в общем-то, было понятно.

Кроме легкомысленных заигрываний я не забывала и о деловой стороне. В моей маленькой дамской сумочке лежала целая коллекция визиток, и, прекрасно понимая, какие люди собрались тут, я при всяком удобном случае не забывала отрекомендоваться и оставить координаты. Мало ли проблем у богатых! Они ведь тоже плачут. Глядишь, кто и обратится. За утешением.

В общем, вечерок прошел отлично, и под занавес один симпатичный адвокат уже совсем было собрался предложить подвезти меня до дому, но добрая Эмма не допустила второй оплошности. Похоже, она-то вынесла из праздничной атмосферы несколько иные впечатления и, целый вечер наблюдая за тем, какое неотразимое впечатление произвожу я на мужской пол, решила, что хоть расшибется, но не допустит, чтобы все это закончилось чем-то реальным.

– Танечка! – приторно улыбаясь, закричала она, едва завидев Алексея рядом со мной. – Машина уже ждет. Я пригласила вас на этот вечер и должна лично убедиться, что вы всем довольны и добрались до дома в целости и сохранности.

– Спасибо, Эмма, вы так любезны! – с такой же противно-притворной улыбкой отвечала я. – Даже не знаю, как благодарить вас... стоит ли так беспокоиться из-за меня...

– Еще как стоит! – в этом восклицании слышалась неподдельная искренность. – Вы так помогли нам...

В общем, до дома я действительно добралась без приключений.

Поднявшись к себе в квартиру, я как-то сразу расслабилась, вспомнила, сколько сегодня выпито шампанского, и, небрежно смыв неземную красу, наведенную Светкой, с удовольствием растянулась в кровати.

Уснула я как-то совсем незаметно, а когда проснулась, обнаружила, что уже десять часов утра.

Должна сказать, шампанское – очень коварный напиток. Люди наивные и неопытные, вроде меня, покупаются на то, что от него нельзя опьянеть до потери сознания, как, например,

от водки и, поддавшись приятной эйфории от золотистых пузырьков, пьют себе сколько влезет, не подозревая о том, что готовит им следующее утро.

А на следующее утро, дорогие друзья, вы будете чувствовать то же самое, что чувствовала я после этого корпоратива. Конечно, это не то невыносимое похмелье, от которого хочется застрелиться. Но и выражение «свежая голова» совсем не подойдет к вашему новому состоянию.

В общем, если говорить коротко, я ощущала себя зависшей в какой-то странной полупрострации, и хотя нигде не болело, но я точно знала, что малейшее мускульное или умственное напряжение вызовет результаты самые плачевные.

В таком состоянии я меньше всего готова была разговаривать с Эммой. Ну и, разумеется, она позвонила, чуть только я успела продрать глаза.

– Танюша! Ну, как дела? Как чувствуете себя? Отдохнули после вчерашнего?

– Ну... так... в целом... ничего.

– А у меня так голова болит – ужас! Не нужно было пить столько шампанского. Впрочем, я, собственно, не об этом... Танечка, у нас ужасная новость!

– В самом деле? – Моя голова тоже начинала болеть.

– Да! Помните того приятного мужчину... он еще был так любезен с вами...

«Какой именно?» – чуть было не ляпнула я, но вовремя остановилась.

– Артемьев, – между тем продолжала стрекотать моя собеседница. – Артемьев Иван Алексеевич. У него сеть перерабатывающих предприятий. Молочный бизнес. Такой высокий, сидящий... очень интересный мужчина.

– Да... припоминаю. С ним что-то случилось?

– О! Да! Случилось! Случилось самое худшее, что только могло случиться. Сегодня ночью его застрелили.

– Что, простите? – Никогда в жизни не чувствовала себя тупее, чем в это утро.

– Да, да! – кричала в трубку Эмма, видимо, предполагая, что я не верю. – Застрелили! Застрелили из пистолета у ворот собственного дома. Он отослал машину, чтобы мальчики тоже отдохнули... ну, в смысле, охрана. Ведь вечеринка закончилась поздно... Ну вот. Джип уехал, а Иван... как бы это сказать... ну... в общем... как бы... не дотерпел.

– В каком смысле?

– В смысле – ему очень захотелось в туалет и он решил сделать это прямо у забора.

– А-а-а...

– Татьяна, вы хорошо себя чувствуете? Может быть, я перезвоню попозже?

– Нет, нет, продолжайте, я вас внимательно слушаю, – я напрягла остатки сил и проговорила эту фразу довольно бойко. Не хватало еще, чтобы Эмма разнесла по всей округе, что я упиалась до полусмерти и наутро была невменяема.

– Так вот. Пока он... ну... как бы...

– Делал свои дела?

– Да. Да, именно. Пока он делал свои дела, кто-то другой решил обделать свои и выстрелил ему прямо в затылок. Точнехонько. Одна пуля – и все готово. И это, заметьте, глубокой ночью. Правда, там возле ворот освещение... но... все равно... все равно, я думаю, это, несомненно, был профессионал.

«Тебе, конечно, виднее», – думала я, потирая виски.

– Так вот, Татьяна, я считаю, что вы должны найти убийцу. Вы ведь, можно сказать, знакомая Ивана. Вы были с ним на празднике, танцевали, общались...

К чему это она клонит? Несмотря на неадекватное состояние и все усиливающуюся головную боль, мыслительные способности постепенно просыпались, и я стала подозревать, что меня хотят заставить работать бесплатно на основании каких-то фиолетовых заявлений о знакомстве. Требовалось это немедленно прояснить.

– Вы хотите заказать расследование? – не совсем тактично, в лоб, спросила я.

– Нет, не я, а... О! Какая непростительная рассеянность! Это все шампанское. Я ведь не рассказала вам! А говорю так, будто... О! Простите, пожалуйста. Сейчас вы все поймете. Видите ли, у Ивана была... ну... как бы это сказать... своего рода протеза. Юная девушка, неопытная... Ну вот. Иван заботился о ней, помогал. Недавно даже обеспечил ей участие в конкурсе красоты. Думал – выиграет приз, найдет хорошую работу... Моделью там, или диктором на телевидении... Но вышло не так... Ну, то есть все как раз именно так и вышло, но... с определенными нюансами.

Тут Эмма весьма эмоционально и подробно пересказала мне историю, которую я уже знала от Светки. О том, что первое место «было обеспечено» другой девушке, но в последний момент у нее что-то непонятное случилось с внешностью и победила девушка Артемьева. Естественно, многие стали подозревать, что в этом виновен сам Артемьев, любой ценой желавший заполучить первое место для своей «протеза». Особенно должен был подозревать это Смирнов, девушка которого из-за испорченной внешности потеряла первое место. И, соответственно, подозрения следователей в первую очередь к Смирнову и обратились.

– Сплетни ходили еще на конкурсе, вы знаете, у нас ведь не могут... Ну, впрочем, ладно. Когда в полиции стали опрашивать свидетелей, все это очень быстро выяснилось, следователи узнали, что Артемьев с помощью такого некрасивого приема, можно сказать, отнял победу у Смирнова и тот, соответственно, мог затаить зло. Ну, долго думать не стали, поехали к Игорю домой, да и взяли его, как говорится, «тепленьким». Он, наверное, после вчерашнего еще в себя прийти не успел.

– Но, если я ничего не путаю, господин Смирнов уехал раньше остальных?

– Браво, Татьяна! Вы действительно настоящий профессионал. Каковы бы ни были обстоятельства, успеваете замечать все детали. Да, Игорь уехал раньше, вы не путаете, но, если я ничего не путаю, поехали они в сауну, так что вернулся домой он, скорее всего, позже нас всех, хотя и уехал раньше.

– Тогда почему его арестовали? Если есть свидетели, готовые подтвердить, что он находился в сауне...

– Такие тонкости мне не известны, Татьяна. Это можете выяснить только вы, частный детектив. А мы, скромные обыватели, можем лишь надеяться на ваш талант и незаурядные способности.

– Так вы все-таки хотите заказать расследование?

– Не я. Девушка Игоря, та самая, которой не удалось выиграть конкурс, – она не верит в его виновность. Волей случая мы оказались немного знакомы с ней, и, зная, как вы умеете работать, я порекомендовала ей обратиться к вам. Вы не против?

– Разумеется, нет. Но почему же сама она...

– Юная, неопытная девушка... давайте сделаем небольшую скидку на это. Она никогда в своей жизни не сталкивалась с подобными вещами и попросила меня предварительно переговорить с вами, объяснить, в чем дело, и узнать, согласитесь ли вы заняться этим расследованием. Финансовые условия я ей озвучила.

Наконец-то! Давно бы об этом сказала.

– ...и к тому же сейчас она выглядит... не лучшим образом, сами понимаете. Практически из дому не выходит, стесняется. Важно, чтобы вы были готовы к тому, что увидите при встрече с ней.

– А что, я увижу что-то особенное?

– Ну... как сказать... Вообще-то, наверное, ничего необычного, и если огромные багровые волдыри по всему телу вас не смущают...

– Волдыри меня совершенно не смущают, Эмма, не забывайте, я расследую убийства и иногда мне приходится сталкиваться с изуродованными до неузнаваемости трупами, а это почище, чем какие-то там волдыри.

– О! Да... да, я как-то не подумала. Какая у вас все-таки работа, Татьяна... не женская.

– Это уж действительно. Ну что ж, передайте этой скромной девушке, что она может звонить мне, ничего не опасаясь. Я проявлю всю возможную тактичность и при личной встрече не буду делать круглые глаза. Как ее зовут, кстати?

– Ее? Мила. То есть Люда. Людмила. Очень милая, приятная девушка.

«А Светка сказала «стерва». Интересно будет посмотреть...» – думала я, нажимая кнопку сброса.

Очень хотелось принять душ и прийти наконец в себя, но что-то подсказывало мне, что Мила не замедлит позвонить, и предчувствия не обманули. Не прошло и десяти минут, как телефон снова зазвонил и писклявый детский голосок робко осведомился:

– Здравствуйте, это Татьяна?

– Да, добрый день. Рада вас слышать. Вы, наверное, Мила? Эмма только что звонила мне.

– Да... спасибо... так вы... вы согласны?

– Взяться за расследование?

– Да.

– Если финансовые условия вас устраивают – нет проблем.

– Да, это... это не вопрос. Вы, главное, найдите его. Убийцу. Потому что Игорь не делал этого. Я точно знаю.

– Почему вы так уверены?

– Да... по всему. Они... они дружили, можно сказать, Ваня и Игорь. И этот конкурс... вздор, глупость! Чего все так к нему привязались...

– Но... если я правильно поняла, вы... как бы... вы можете считаться пострадавшей после этого конкурса, причем пострадавшей именно по вине господина Артемьева. Неудивительно, что многие думают, будто господин Смирнов захотел...

– Глупость! Самая дурацкая глупость, которую только можно было выдумать. Ваня здесь вообще ни при чем.

– Ну, разумеется, он сделал все не сам, но вполне вероятно, кто-то по его заданию...

– Вздор! Идиотизм! Кто только распустил эту сплетню! Я вам повторяю, что Иван Артемьев никаким образом не вредил мне сам и не нанимал никого, чтобы навредить.

Ситуация поворачивалась очень интересной стороной. Несомненно, лучше всего было бы выяснить все подробности в личной беседе, а не по телефону, поэтому я решила взять инициативу в свои руки.

– Послушайте, э-э-э... Людмила, правильно?

– Да.

– Послушайте, Людмила. По телефону Эмма сказала мне, что вы хотите заказать расследование, с тем чтобы установить невиновность вашего... знакомого, господина Смирнова. Правильно?

– Да.

– И финансовые условия вас устраивают?

– Да.

– В таком случае, если намерение ваше твердо, не лучше ли нам встретиться лично и поговорить? Заодно и... договор составим.

– Хорошо, давайте встретимся. Но я... я сейчас не выхожу никуда, вам придется приехать ко мне.

– Это не проблема, говорите адрес.

– Я живу на даче. После того... в общем, после этого конкурса Игорь разрешил мне пожить здесь... пока все не пройдет. Подальше от глаз, как говорится.

– То есть это его дача?

– Ну да.

Мила объяснила мне, как проехать, и я сказала, что буду у нее в час дня. Не то чтобы мне требовалось столько времени на дорогу, просто не хотелось в таком виде и состоянии предстать перед новым клиентом. Сейчас приму душ, глотну кофейку... глядишь, и оживу. А там можно будет и в путь отправляться.

Контрастный душ и несколько упражнений и впрямь вернули мне адекватное состояние, а глоток горячего кофе окончательно привел в себя. Пары шампанского остались только в воспоминании, я снова обрела способность соображать и теперь была полностью готова к разговору с клиентом.

Дачный массив, куда предстояло мне отправиться, представлял собой смешение трехэтажных вилл и кособоких курятников, в зависимости от того, кто был владельцем того или иного участка. В целом место было довольно престижное, недалеко от реки, и участки вдоль берега стоили весьма недешево. Но поскольку само по себе товарищество существовало с незапамятных времен, в нем оставалось немало бабушек и дедушек, вполне довольных деревянными домиками и незатейливым огородом.

Впрочем, я не сомневалась, что дача, на которую меня пригласили, к этому разряду не относилась. И оказалась права.

Правда, подъехав к нужному участку, богатого особняка я не обнаружила, но дом был вполне добротный, на два этажа, с некоторыми даже претензиями на архитектурные изыски.

Забор тоже был очень надежный, и попасть внутрь можно было только после того, как вы позвоните по домофону и хозяева хорошенько рассмотрят вас в камеру. Так я и поступила.

Заранее настроенная рассказом Эммы, не зная, что увижу перед собой и действительно ли внешний вид моей новой клиентки окажется столь отталкивающим, я внутренне готовила себя к тому, чтобы сохранить радостно-доброжелательное выражение лица, независимо ни от чего.

Но волновалась я зря. Может быть, для конкурса красоты подобное состояние кожи и могло считаться катастрофическим, а по мне, так ничего особенного. Что-то напоминающее юношеские угри. Неконтролируемо размножившиеся.

– Добрый день! – улыбнулась я, очень довольная, что для сохранения доброжелательного выражения мне не придется прилагать специальных усилий. – Где мы можем поговорить?

– Пойдемте в кухню, там так... уютненько. И чаю попить можно.

Да, характеризуя Милу словом «стерва», Светка явно преувеличила. Девушка, конечно, знала себе цену, это проступало в каждом движении, но общалась вполне адекватно и даже гостеприимно.

Пока она возилась с чашками и электрическим чайником, я осматривала помещение и, исподволь, – ее саму.

«Кухня», скорее, напоминала просторную гостиную с барной стойкой и вполне современным оборудованием, но за счет больших окон, открывающих широкий обзор на роскошный зеленеющий сад, и продуманной планировки действительно создавала ощущение уюта и домашности.

Девушка, наоборот, приносила элемент светского салона, ходила как по подиуму, и обилие прыщей ничуть не мешало ей изображать из себя королеву в изгнании.

– Не хотите ознакомиться с договором? – мягко спросила я, когда закипел чайник.

– Да, конечно... Впрочем, Эмма говорила мне. Ваша ставка – двести долларов в день, правильно?

– Да, и, если это не проблема, я обычно беру небольшой аванс. Скажем – оплату за день расследования.

– Это не проблема. Главное – найдите убийцу.

– Да, если не ошибаюсь, вы утверждали, что господин Смирнов никак не причастен к этому преступлению. Эта уверенность основана на каких-то реальных фактах или... на внутренних ощущениях?

– Для чего ему убивать Ваню? В бизнесе они не конкуренты, а по жизни, можно сказать, друзья.

– Но этот случай на конкурсе...

– Да что вы все привязались к этому случаю?! Артемьев здесь вообще ни при чем!

– Однако все уверены, что как раз он-то...

– Да мало ли что болтают! Если каждой сплетне верить, так это... до чего угодно договориться можно. Говорю вам, Иван к этому, как вы выразились, «случаю» совершенно не причастен.

– Но ведь кто-то же сделал это. Или эти... пятна выступили сами по себе?

– Нет, не сами по себе. – Мила помрачнела. – Подстроили, конечно. И я знаю кто. Но... не могу сказать.

– Послушайте, Людмила. Залог успешного расследования – полная откровенность со стороны клиента. Я гарантирую конфиденциальность и то, что ваши тайны, кроме меня, больше никому не станут известны, но сама я должна знать все. Иначе ничего не получится. Неполная или недостоверная информация приведет к выдвижению ошибочных версий, и в итоге мы в лучшем случае потеряем время. А в худшем может получиться так, что подозрение падет на того, кто непричастен. Вы ведь сами хотите заказать расследование именно для того, чтобы обвинения были сняты с человека, по вашему убеждению, невиновного. Правильно ли, если вместо одного, непричастного к преступлению, будет осужден другой, столь же непричастный?

Кажется, моя прочувствованная речь дошла до сознания упрямой девушки, и после некоторых внутренних борений, довольно красноречиво отразившихся в выражении лица, она решила раскрыть свою страшную тайну.

– Это... Оксана. Она все подстроила.

– Оксана? Оксана – это кто?

– Баба Луганского. Ей уж сто лет в обед, а все по конкурсам шляется. Заметила, что Толик запал на меня, вот и... Да вы, наверное, не знаете. Луганский, он... Анатолий Евгеньевич Луганский, он – организатор этого конкурса. Они... ну, как бы... общаются. И с Ваней, и с Игорем. Ну и Луганский предложил, мол, давайте устроим... мероприятие. Телок красивых посмотрим, да и бабла возьмем... Там билеты... не дешевые были. Ну вот. Ему, по ходу, стерва эта надоела уже...

– Оксана?

– Ну да. Наверное, хотел новую себе присмотреть. А Игорь мне предложил... поучаствовать, в смысле. А я что, хуже других, что ли? Ну и согласилась. Там, на этих конкурсах, такие иногда страхолюдины... В общем, согласилась. И Ваня Катьку свою тоже выставил. А мне что, мне не жалко. Только когда просмотры были, Толик с меня прямо глаз не спускал. Оксана и усекла. А потом, как увидела, что я на первое место иду, видать, совсем жаба ее задушила. Самой-то ей такого ничего не светило. Приз зрительских симпатий, и то только потому, что ее Толик всю эту бодягу замутил. Ну вот, ей и завидно стало. Мы в гостинице жили, там все эти горничные-поломойки, все под ее дудку плясали. Как же, баба босса! И вымазал меня этой дрянью из них кто-то. Кому еще? Там охрана, по ночам вообще закрывают. Из посторонних никто не пролезет.

Слушая Милу, я отмечала про себя весьма интересные моменты. То, что она рассказывала, несомненно, было новой и важной информацией, кардинально меняющей суть дела. Если

все это именно так, как она говорит, у Смирнова просто не было мотива. По крайней мере, связанного с происшествиями на конкурсе.

Но самое забавное, что из рассказа девушки следовало, что она не в курсе того, что места заранее куплены. Возможно ли такое? Конечно, «милый друг», чтобы доставить удовольствие от «честно выигранной» победы, мог и не сказать. Но остальные? Вся эта обслуга, визажисты, костюмеры, «горничные-поломойки», все знали, что почем, – неужели они не просветили наивную девушку?

Вопрос был настолько интересным, что мне хотелось прояснить его даже для себя лично.

– Послушайте, Людмила. Вы утверждаете, что к этому... случаю Артемьев непричастен абсолютно и даже известно, кто именно был причастен, а между тем большое количество людей уверены, что именно он подстроил все это, причем не из-за чего-нибудь, а конкретно из-за своей протекции Катерины. У вас есть какое-то объяснение этому?

– Да чего тут объяснять? Бритому ежу понятно. Оксана – при Толике, кто на нее рот раскроет? Только вякни – такого пинка даст под зад, и воспоминаний от тебя не останется. И без зарплаты оставит. Или... без приза, – невесело улыбнулась Мила. – Хотя я и не говорила ничего, с ней вообще почти не общалась. Но что тут поделаешь, завидки гложут. А Катька, она за мной шла и так... уверенно. Вот и придумали эту сплетню, что, дескать, Ваня, чтобы свою телку вперед пропустить, взял молочный реагент какой-то, да и вымазал меня ночью. Нечего ему делать больше...

– А что это было за вещество, установлено?

– Да нет, кто это будет устанавливать? Я утром как в зеркало себя увидела – давай скорей умываться... дрянь эта такая липкая была, противная... А потом уж... потом – какая разница? Чего хотела, Оксана добилась, прыщавое страшилище никому не интересно, и первое место от меня ушло... А на Катьку я зла не держу. Чего уж... Она-то здесь вообще ни при чем.

«Ну да, ну да... Она ни при чем. Однако Артемьев ее – с деньгами и в шоколаде... был, по крайней мере, а Смирнов с убытком и в камере. Интересно, сколько сейчас стоит первое место для красавицы?»

– А вы общались с ней? С Катей?

– Да нет... не особо. Она такая... молчунья. Ну, на конкурсе, конечно, чаще виделись, а так... Пару раз встречались, когда вместе на шашлыки ездили, ну и... все, пожалуй.

– На шашлыки, вы имеете в виду, со своими... друзьями?

– Ну да. Она – с Ваней, я – с Игорем. Я же говорю, они общались. Можно сказать, дружили даже. И никаких причин убивать друг друга у них не было.

– Понятно. А у кого могли быть такие причины, у вас нет предположений?

– Понятия не имею. Может, по бизнесу что... С Игорем-то они не конкуренты, ну а так... возможно, и было что. Ваня здесь, в области, почти монополист, мелкоте через него трудно пробиться, может, с этим связано. Хотя... не знаю, я в их дела не лезла, ни к Ване, ни к Игорю. Зачем это нужно? Лишняя головная боль. Знаете, как говорят, – меньше знаешь лучше спишь.

Мила рассмеялась, а я начинала понимать причину ее блаженного неведения. Похоже, девушка была из тех, кто не стремится доискиваться начальных истоков происходящего. Куплено первое место или выиграно – какая разница? Не удивлюсь, если ей и намекали, да она не поверила. Сам Толик на нее «запал» – какие могут быть сомнения в том, что она достойна победы и без всяких предварительных проплат?

Однако был во всем этом и отрицательный момент. Учитывая новую информацию, приходится констатировать, что расследование мое в этот раз начинается с абсолютно чистого листа. Версия с происшествием на конкурсе, если верить рассказу Милы, несостоятельна, а для выдвижения других версий интеллектуального потенциала моей собеседницы явно недостаточно. Конечно, конкуренты по бизнесу – это мысль, но мысль далеко не оригинальная. А в остальном... в остальном подсказок ждать неоткуда, придется до всего докапываться самой.

– Вам что-то известно о том, как произошло убийство? – спросила я.

– Да нет, не особо. Мне рассказала Эмма. Говорила, что Ваня встал у забора пописать, тут его и... А подробностей я не знаю. Откуда? Игоря уже упекли – справились, свидетелей там, я так понимаю, не было...

– А жена господина Артемьева?... Он женат?

– Само собой, – спокойно ответила Мила. – И он, и Игорь. Кстати, может, это Ирка его и подставила. Они живут... не очень-то.

– Ирка – это?..

– Жена Игоря. Тоже стерва та еще. Похлеще Оксаны будет. Игорь уже видеть ее не может.

– А, например, развестись?

– Ну, это... Это не так просто. Имущество, дети... С этой Иркой начни делиться – на второй день застрелишься.

В этих комментариях явно чувствовалось влияние самого Игоря, несомненно, постаравшегося очень аргументированно объяснить своей любовнице, почему он не может развестись с ненавистной женой. Оно и понятно. Если из-за каждой Милы разводиться, жен не напасешься.

– Так вы считаете, что Ирина могла все это подстроить так, что подозрения пали на ее мужа?

– Запросто могла.

– Но ведь убит человек... Не слишком ли дорогая цена за розыгрыш?

– Не знаю... если Игоря упекут по-настоящему, за убийство, она и от мужа избавится, и барахло к рукам приберет. Плохо, что ли? Мясная империя.

Легкомысленные рассуждения Милы были не такими уж неправдоподобными. Все это вполне могло быть так, как она рассказывает. Правда, с небольшой поправкой. Ведь то, что жена Игоря – «стерва», я пока знаю только от Милы, а она – от своего любовника, которому прославлять свою жену в глазах своей любовницы, наверное, было не с руки.

В общем, все это нужно еще проверять и проверять. Копать, искать, найти и не сдаваться.

Из нашего разговора я пока делала лишь один вывод: не мешало бы пообщаться со «стервой № 1» – Оксаной. Она и по поводу конкурса знает все (особенно если Мила права и сама она все это организовала), да и с фигурантами со всеми наверняка на короткой ноге. Если уж для какой-то Милы они все «Вани» да «Пети», то для любовницы крутого бизнесмена, владеющего нефтеперерабатывающим предприятием, – и подавно.

Конечно, наивно было бы надеяться, что Оксана так вот возьмет, да по первому требованию и выложит всю подноготную. Но истина иногда проступает даже сквозь лживые заявления. Мимика, интонации, жесты – все это несет в себе массу дополнительной информации, иногда прямо противоположной тому, что человек говорит.

Пока Мила изучала наш с ней договор, я продумывала, какие каналы лучше использовать для проникновения к Оксане и под каким соусом мне подать свой визит к ней.

Ясно было одно – говорить, что я частный детектив, действующий по поручению Милы, не следует ни в коем случае. Это не только не поспособствует откровенности Оксаны, а, вполне возможно, окажется следствием того, что меня даже не пустят на порог.

Нет, идти нужно другим путем...

Я прикидывала и так и этак... Хорошо бы с Эммой поговорить... Конечно, здесь большой риск, что она проболтается (возможно и не специально), но она наверняка лично знакома с этой Оксаной и может меня откомендовать. Кстати, откомендоваться можно как есть – частным детективом. Главное – не раскрывать, кто заказчик. Нужно будет хорошенько проинструктировать Эмму...

– Меня устраивает, – прервала мои размышления Мила. – Здесь сказано, что минимальная предоплата за один день, но, если надо, я могу заплатить за два – вдруг возникнут какие-то непредвиденные расходы.

Такой разговор мне нравился.

Подписав документы и забрав деньги, я села в машину и поехала в город.

Да уж, за сутки вряд ли разделаюсь я с этим дельцем. Что-то подсказывает мне, что здесь одних разговоров наберется на неделю минимум. Гламурные девушки общение любят.

Впрочем, Мила в этом плане оказалась вполне сносной. Словесным недержанием не страдала, высказывалась по существу (где могла) и вообще произвела на меня хорошее впечатление. Не знаю, почему Светка так взъелась на нее. Может, она и ей где-то дорогу перешла, как Оксане?

Но раздумывать о пустяках было некогда. Я уже выезжала из дачного массива и приближалась к трассе, ведущей в город, а для того чтобы определиться с направлением дальнейшего движения, нужно было определиться со следующим адресатом.

Я взяла трубку и набрала номер своей предыдущей клиентки.

– Эмма? Это Татьяна. Извините, что приходится вас беспокоить, но тут возник один вопрос, который, на мой взгляд, лучше вас никто не решит.

– Что ж, рада буду помочь.

В голосе Эммы слышалось неподдельное любопытство – речь шла о «коллегах» по тусовке и ей явно не терпелось узнать, что там и как.

– Я поговорила с Людмилой, она заказала расследование, но, кроме этого, разговор с ней вызвал у меня несколько вопросов, которые необходимо прояснить. И чтобы прояснить их, я должна побеседовать с Оксаной, знакомой господина Луганского, который, если не ошибаюсь, являлся организатором конкурса красоты, закончившегося для Милы столь плачевно. Вы, наверное, знакомы с Оксаной, не могли бы вы порекомендовать меня?

– Оксана... не знаю...

Эмма явно была в замешательстве, что меня, признаюсь, и удивило, и насторожило. Экс-клиентка сама принадлежала к элитной части местного социума, ей ли бояться каких-то там содержанок? Поэтому тот факт, что она пасует перед этой загадочной Оксаной, для меня оказался полной неожиданностью. Что же это за зверь такой, что даже Эмма его пугается?

– Видите ли, Оксана женщина несколько... своеобразная. Она... как бы это сказать... не из элиты общества и изначально поступила к Луганским работать горничной. Ну а потом... когда Анатолий, так сказать, «приблизил» ее, возомнила о себе невесту что, стала задаваться... Я могу попробовать договориться о встрече, но сразу должна предупредить – манеры у нее далеко не блестящие.

– Это не страшно. По роду своей деятельности мне приходится сталкиваться с самыми разными людьми. Я просто побеседую с ней, задам несколько вопросов, и даже если она не захочет отвечать – не обижусь и не стану предъявлять претензий. Люди, склонные скандалить из-за каждого пустяка, попадают довольно часто, я умею обращаться с ними и не доводить дело до эксцессов.

Я еще несколько минут пространно и убедительно говорила о своей способности без последствий общаться с маргиналами, поскольку интуиция подсказывала мне, что в этом-то и состоит главная причина беспокойства Эммы.

Она должна будет порекомендовать меня, то есть взять на себя определенную ответственность. Зная, как ведет себя Оксана, Эмма, по-видимому, опасалась, что я не сдержусь и начну отвечать на хамство, что из этого получится какой-нибудь соблазнительный скандал, в котором будет фигурировать ее имя, а главное – который, чего доброго, может поссорить ее с Оксаной.

Поэтому чтобы успокоить и убедить, что ничего такого я не допущу, я разливалась соловьем.

– Ну что ж... хорошо, – наконец произнесла Эмма. – Я сейчас позвоню ей, попробую договориться о встрече для вас...

– Только не нужно говорить, что я действую по поручению Милы... – обеспокоенно начала было я, но оказалось, что в подобных уточнениях моя великолепная собеседница совершенно не нуждается.

– Разумеется, я не буду об этом говорить. Иначе она и видеть вас не захочет. Кто такая Мила? Для нее это – грязь под ногами. Она еще за оскорбление сочтет, что от какой-то там Милы приходят к ней с вопросами.

– Очень рада, что мы с вами понимаем друг друга. Но с тем, что я – частный детектив, надеюсь, не будет проблем?

– О, с этим совершенно никаких! Напротив, думаю, узнав, что вы – именно тот человек, который выполнил мой непростой заказ, она даже сама захочет встретиться с вами. Увы, в нашем мире секреты недолго остаются секретами. О моей проблеме многие знали, и то, что решением ее я обязана вам, тоже уже не тайна. Надеюсь, на вечеринке вам удалось завести полезные знакомства? Я постаралась сделать вам рекламу.

– Спасибо, Эмма, вы очень любезны. Конечно, я не могла упустить такой случай – ваше приглашение. Были и новые знакомства, и интересные разговоры... Я захватила с собой целую пачку визиток, и к окончанию праздника от нее почти ничего не осталось. Я вам очень благодарна за этот шанс. Но сейчас, если можно, давайте сосредоточимся конкретно на Оксane. Для меня очень важна встреча с ней.

– Да, да, разумеется. перезвоните мне через полчаса. Думаю, за это время я смогу с ней договориться.

Полчаса куковать на развилке дорог – не самое увлекательное времяпрепровождение. Но что мне оставалось делать? Я поблагодарила и сказала, что обязательно перезвоню.

Немного посидев в машине и поглазев по сторонам, я увидела недалеко заправочную станцию и решила, чтобы время не проходило совсем уж даром, залить бензин. Едва лишь я приблизилась к въезду на заветную территорию, как передо мной, откуда ни возьмись, появилось еще несколько машин и образовалась очередь. Так что все эти полчаса, которые, как думала я, придется мне провести в бесплодных ожиданиях на обочине, прошли в увлекательных наблюдениях за тем, как дяди, стоящие в очереди впереди меня, заполняют свои баки бензином.

Залив, наконец, долгожданные литры, я вернулась на исходную позицию и увидела, что пора звонить Эмме.

Но она позвонила сама.

– Татьяна! Вам очень повезло. Оксана сейчас в торговом центре, знаете, «Вираз»? Его, наверное, за неделю не обойдешь весь. Оксана с самого утра там, шопинг – ее страсть. Нама-ялась, бедная, теперь сидит в кафе, отдыхает. Если успеете, подъезжайте туда, – лучшего момента для разговора и придумать нельзя. Во-первых, – кругом люди, может, она постесняется вести себя... как обычно. Будет сдержаннее. А во-вторых, она сейчас уставшая, контроль ослаблен, так что расспрашивать и выведывать – самое время.

Приятно все-таки, когда у клиента остаются о тебе положительные воспоминания. Ну вот, скажите, стала бы эта крутая Эмма так стараться для кого-то еще? А для меня постаралась. И не просто формально подошла, а с участием, с душой...

– Я сказала ей, что вам заказал расследование кто-то из родственников Смирнова, кто именно, – вы не раскрываете. По-моему, она думает, что это жена, – между тем продолжала Эмма.

– Спасибо вам огромное, Эмма, вы оказали мне неоценимую услугу. Думаю, я успею подъехать вовремя.

– Что ж, тогда успехов вам, не буду задерживать.

– Еще раз большое спасибо.

Хотя я и пообещала Эмме «успеть» довольно уверенно, но в действительности выезд из дачного массива, где я сейчас находилась, отстоял довольно далеко от центральных районов города, где располагался «Виразж». Чтобы «подъехать вовремя», нужно было гнать что есть мочи и проявить чудеса изобретательности, лавируя по забитым до отказа городским улицам.

Поэтому не откладывая в долгий ящик, я включила зажигание и надавила на газ.

Глава 2

Торговый центр «Вираз» представлял собой трехэтажное здание, занимающее целый квартал, и обойти его целиком действительно было непросто. Но пункты питания располагались компактно в одном месте, и по описанию я без труда нашла великолепную Оксану.

Да и как было не найти? Блестящая, переливчатая блузка из какого-то жидкого серебра слепила глаза и в сочетании с лосинами из той же русалочьей материи делала образ экстравагантной девушки единственным в своем роде.

Какой-то маленький мальчик зажмурился и заплакал, ослепленный невыносимой яркости солнечным лучом, отраженным костюмом Оксаны прямо ему в глаз, когда я подошла и скромно представилась.

– Добрый день! Я Татьяна. Эмма предупреждала обо мне?

Скептически-оценивающий взгляд был мне ответом.

– Да, она говорила что-то. Детектив? – наконец произнесла Оксана.

Я поняла, что ни Мила, ни Эмма в своих оценках ничего не преувеличивали и разговор будет непростым.

Оксана была сильно обесцвеченной, почти белой блондинкой, весьма претенциозной на вид, но уже не первой молодости. Яркий и вполне профессионально выполненный макияж не скрывал морщинок, и, на мой взгляд, для полноценного участия в конкурсах красоты здесь уже требовалась пластика.

Впрочем, я, конечно, не об этом хотела сейчас побеседовать с ней.

– Разрешите присесть?

Оксана молча кивнула на стул.

– Вы, наверное, в курсе, недавно по подозрению в убийстве был арестован один довольно известный бизнесмен...

– Да уж... Для этих безмозглых ментов Смирнов – просто находка. Денег – куры не клюют, а мотив... его и придумать можно. И поди откупайся потом. Всю оставшуюся жизнь.

– Но, насколько мне известно, в данном случае в качестве мотива предполагается месть, причем за совершенно конкретное действие. Я, собственно, об этом и хотела бы побеседовать с вами. Вы ведь находились, можно сказать, в эпицентре событий, и все, что произошло на конкурсе красоты, должно быть вам досконально известно. В том, что с одной из девушек случилось несчастье, действительно можно подозревать господина Артемьева, ныне покойного?

По тому, как Оксана замешкалась и даже как бы прикусила язык, я поняла, что в рассказе Милы, несомненно, есть доля правды. С первых слов заявив, что подозревать Смирнова глупо, она, собственно, с головой выдала себя и теперь должна была как-то выкрутиться из двусмысленного положения, в которое сама себя поставила.

Но колебалась недолго.

– Ха! Несчастье! Справедливое возмездие – вот как это называется. Перст судьбы. А то... возомнили о себе. Красотки. Если ты стерва, каких свет не видывал, так сиди в уголке, не высывайся. Радуйся, что нашелся дурак содержать тебя, убогую. Так нет! Им мало. Им титул нужен, официальное подтверждение. Красавицы, мол, они у нас. Как же!

Оксана брызгала слюной и просто источала ненависть, а я все больше убеждалась, что версия Милы, пожалуй, реальнее, чем предположения «цыганского радио», которые озвучила мне Светка.

– Так вы полагаете, что Артемьев непричастен к тому, что протеже Смирнова не попала на финальное дефиле?

– Фи! – снова презрительно фыркнула Оксана. – Протеже. Да мы таких протеже... Была бы она нужна кому! Тем более Артемьеву. Станет он беспокоить себя... из-за каждой двор-

няжки. Вообще, если хотите знать мое мнение, ее, эту Милу, никто ничем не мазал. Сама придумала, чтобы популярность себе создать. Такая вот, видите ли, невинная жертва. А на самом деле просто за собой следить нужно. Умываться иногда. Сейчас везде химия, косметика тоже... не из сахарной пудры делается. А если каждый раз на грязную кожу все это наносить... и не то еще выскочит.

– То есть Смирнову мстить было не за что и эти прыщи – результат естественных процессов?

– Конечно! Иначе и быть не может. И так ей и надо... выскочка сопливая. Как только ее на первое место... ей даже не хлопал никто.

– Оксана, вы с такой уверенностью говорите, у вас просто дар убеждения. Вы не думали о том, чтобы дать официальные показания и озвучить свою версию событий? Ведь, если не ошибаюсь, Игорь Леонидович – ваш знакомый, наверное, вы сочувствуете тому, что он оказался в столь затруднительных обстоятельствах. А между тем в вашей интерпретации все это звучит так убедительно... Практически снимает все подозрения. Уверена, следователи прислушались бы к вашему мнению. Как знать, может, господина Смирнова даже отпустили бы, избрали менее жесткую меру, как подписка о невыезде, например.

– Нормально! Это вы хотите за мой счет свои делишки обделать?!

Признаюсь, в этот раз ход женской логики не поняла даже я.

– То есть? – тупо уставилась я на свою непредсказуемую собеседницу.

– Ну как же! Ведь ваша задача – освободить Смирнова? Правильно? Кто заказал это расследование?

– Этого я не могу вам сказать, данные клиента – конфиденциальная информация.

– Да ладно, чего там. Я и сама знаю. Жена, да? Жена?

Но я молчала, как русский партизан на допросе у фашистов.

– Ну и черт с вами! Не говорите. Я и сама знаю. Наверняка Ирка. Кому еще? И теперь вы хотите, чтобы я пошла к ментам, разорялась там, защищала беденького, несчастенького Игорька, а вы, ничего не делая, получили бы гонорар. Так? Так получается?

Признаюсь, я не нашла, что можно на это ответить. Собственно, моей-то целью было, чтобы Оксана, отказавшись идти в полицию, окончательно выдала себя, проговорила о каких-то подробностях, ляпнула что-нибудь красноречиво свидетельствующее... А оно вон куда пошло.

Впрочем, главное я все равно выяснила. Независимо от того, кто был исполнителем диверсии, инициатором наверняка была Оксана. Как это она, прямо-таки жестоко, выдала: «Так ей и надо!»

Но, как и в разговоре с Милой, дополнительная информация не облегчала, а наоборот, только усугубляла сложность этого дела.

Если мотив не кроется в недрах конкурса, значит, он может находиться где угодно и каким образом я на него выйду – очень большой и совершенно открытый вопрос. А между тем человек убит...

– ...и ваша обязанность – найти убийцу, – как бы отвечая на мои мысли, продолжала Оксана речь, начало которой я пропустила. – Конкурс – ерунда, можете забыть про него. Никто там никому не мстил. А Смирнов и посидит немножко – ничего, не растает. Кто его знает, может быть, он и есть убийца? Может, у него с Ванькой какие-то закулисные делишки были, о которых никто не знает? Вот и ищите. Ирка хоть отдохнет...

Последняя фраза, брошенная как бы вскользь, в сочетании с тем, что слышала я о пресловутой «Ирке» от Милы, наводила на размышления.

Но я подумала, что поразмышлять удобнее будет дома, а сейчас не мешало бы отделаться от экстравагантной собеседницы и с честью и достоинством удалиться, не давая повода для новых выходов в свой адрес. Все, что я хотела узнать от Оксаны, я в целом уже узнала.

Мне почти не пришлось трудиться и выдумывать поводы, так как моя собеседница, озабоченно взглянув на часы, сделала торопливый глоток из чашечки с каким-то напитком и засобиравалась.

– Ну ладно, мне пора, – говорила она, сгребая в одно ручки бумажных пакетов с фирменными логотипами. – Я еще хотела в белье зайти, да и... впрочем, не важно. А вы – ищите. Это ваша работа. И нечего сваливать ее на других...

Она говорила еще что-то, но после этого очередного намека, будто я собираюсь «свалить» свою работу на нее, из глубин моей души поднялась ярость.

«Безмозглая дура! Барби на пенсии! Куда ты лезешь со своими тремя извилинами?! Кому ты сдалась, – что-то там на тебя «сваливать»?! Что на тебя можно свалить, кроме мешка с...»

Ну, в общем, что-то вроде таких фраз крутилось в моем мозгу в тот момент, когда я, нечеловеческим усилием воли растянув губы в фальшивую улыбку, бормотала что-то вежливое на прощанье.

Оксана ушла, а я, выпив минеральной воды и успокоившись, почувствовала, что могу без угрозы для окружающих садиться за руль.

Да, насчет Оксаны девушки были полностью правы. Пожалуй, даже смягчили.

* * *

Приехав домой, я первым делом заварила кофе.

Устроившись на диване и делая небольшие глоточки из чашки, я пыталась осмыслить полученную сегодня информацию и определиться с планом действий.

Первое и главное состояло в том, что столь популярная и распространенная версия убийства из мести на поверку оказалась мыльным пузырем. Не знаю, как насчет возникновения прыщей в результате нечистоплотности, но если что-то здесь было подстроено, подстроила это наверняка Оксана.

А для закадычных друзей, Смирнова и Артемьева, этот конкурс, похоже, вообще не имел никакого значения и был чем-то вроде забавы. Ну не первое место, так второе. Главное – призовое, а остальное не важно. Если уж даже Мила, как видно, совершенно не огорчена своим вылетом на самом финише, то уж Смирнову и подавно огорчаться не от чего. Правда, он бабки вложил... но еще неизвестно – сколько именно. Они же там друзья все, может, ему по знакомству скидку сделали.

И потом, если в этой тусовке все свои, думаю, не одна Мила догадывалась, кто на самом деле подпортил ей физиономию. Это для шушеры, вроде парикмахеров, Артемьев и Смирнов – непримиримые конкуренты, а для тех, кто понимает, межличностные отношения, скорее всего, выглядели несколько иначе.

В связи с этим возникает вопрос. Конечно, ждаль, что Оксана побежит в полицию обеспечивать алиби Смирнову – напрасный труд. Но Мила, заинтересованная, может быть, больше всех, Мила, заказавшая расследование, будучи подозреваемому, в общем-то, никем, – почему она не бежит к следователям рассказывать, как все обстояло на самом деле?

На своей первой встрече с новым клиентом я не стала задавать этот вопрос из тактичности, а сейчас, после разговора с Оксаной, смогла бы и сама ответить на него. Во-первых, где доказательства? А во-вторых, такая стерва, как Оксана, подкрепленная мощным тылом в виде Луганского, узнав, что ее пытаются заложить, пожалуй, может устроить кое-что и похлеще прыщей. Кому нужны такие стрессы?

Человек убит, и в убийстве подозревают Смирнова. И единственное, чем можно кардинально изменить эту ситуацию, – найти настоящего убийцу. Так что в целом действия Милы правильные. Вместо того, чтобы ввязываться в бесплодную борьбу с тем, кто сильнее, – решить проблему, так сказать, в корне.

Теперь об убийстве. Что мы знаем о нем? Практически ничего. Совершено выстрелом из пистолета во время справления естественной нужды. Если верить Эмме – единственным выстрелом. То есть исполнитель – человек меткий и, возможно, имеющий опыт в подобных вещах.

Идем дальше. Где можно получить такой опыт? Во-первых, конечно, на службе в войсках, ну и, во-вторых, занимаясь определенными видами спорта. В любом случае ясно, что исполнитель отнюдь не первый раз в жизни видел пистолет и привык...

Минуточку. А почему, собственно, я так уверена, что это был именно пистолет? Эмма сказала? Так ведь Эмма – гламурная пустышка, для нее что ни пуля, то и пистолет. А это могло быть ружье, например. Или винтовка с оптическим прицелом. Или еще что-нибудь...

И вообще, откуда она узнала все эти подробности? Пистолет, естественная нужда... Наверняка какая-нибудь «знакомая знакомых» поведала. Вот что значит – входить в тусовку. Все новости знаешь еще до того, как они появляются на свет.

Но я-то не легкомысленная тусовщица. Я – серьезный исследователь и все, что наговорили мне девушки, должна тщательно проверить.

Так вот, по поводу стрелков. Откуда они могут взяться в этой среде? Самое логичное предположение – охрана. Охрана есть у всех. И у Смирнова, и у Артемьева, и у Луганского.

Сопровождающие всегда в курсе всего, и, думаю, девушки общаются с этими парнями не реже, чем сами боссы. Не бросят же они своих любимых на произвол судьбы. Как это сегодня рядом с Оксаной я никого не приметила... Наверное, в машине ждали.

Впрочем, к делу. Поскольку противостояние Смирнов – Артемьев пока еще окончательно не снято с повестки дня, неплохо бы пробить бодигардов и того, и того. Только вот как это сделать? Для таких ребят умение держать язык за зубами – критерий профессиональной принадлежности...

Ну ладно, об этом подумаем еще. На крайний случай остаются официальные показания, – ведь должны же будут их вызвать для допроса.

Кстати, неплохо бы узнать, кто ведет это дело. Старые связи задействовать все равно придется. Преступление совершено с применением стрелкового оружия, а получить информацию по неофициальным каналам о таких вещах можно только в одном случае – если эти неофициальные каналы трудятся во вполне определенном официальном учреждении.

Надо будет позвонить Кире. Завтра.

Был уже вечер, и беспокоить старого друга я не решилась. Да и какой смысл? Мне он нужен был бодрый, веселый и доброжелательный на рабочем месте, а вовсе не квелиый и засыпающий у себя дома перед телевизором.

Нет, Киря – завтра. А сегодня лучше наметить, с кем мне нужно будет завтра повидаться, кроме Кири.

Весьма не помешал бы разговор с обеими женами – и Смирнова, и Артемьева. Здесь, опять же, сложность с проникновением «в святая святых», но... придумаю что-нибудь.

После жен – коллеги. Зайти невзначай в офис, поболтать, навести справки... может, и всплывет что интересное.

Ну и самый сложный пункт – на сладкое. Охрана. Направление самое проблематичное, но, пожалуй, и самое перспективное. Даже если заказчик – кто-нибудь из высших, исполнитель наверняка из этой сферы. Однако если с бабами повод для общения – это, зачастую, само общение, с серьезными ребятами такие номера не прокатят. Тут для контакта нужно что-то посолиднее...

Впрочем, начнем с малого. Завтра с утречка позвоню Кире и узнаю у него официальные подробности. Может быть, они уже говорили с женами. И те все рассказали как на духу. Тогда мне и заморачиваться не нужно.

А сейчас пойду-ка я баиньки.

Учитывая вчерашнюю передозировку шампанским и сегодняшнее в связи с этим несколько сумбурное начало дня, организм требовал покоя. Веки тяжелели, глаза слипались и после теплого, расслабляющего душа я уснула, кажется, раньше, чем дошла до кровати.

* * *

Следующее утро отличалось от предыдущего кардинально.

Безо всяких будильников и прочих вспомогательных средств я проснулась в шесть и чувствовала себя прекрасно. Приняв контрастный душ и сделав несколько упражнений, я отправилась завтракать, ощущая внутреннюю готовность свернуть горы.

Если бы я знала в тот момент, какое ждало меня разочарование!

Но я не знала и, плотно позавтракав, позвонила своему старому другу Кире с твердым намерением не отставать до тех пор, пока не получу разрешение посмотреть дело.

– Кирюша, с добрым утром! Это Танюша.

– Таня, говори быстро, я сейчас очень занят.

Вот тебе на! А как же поцелуи, объятия, как же заготовленная мною речь, способная и в медной статуе пробудить сочувствие и заставить сию же минуту бежать за папкой с протоколами? Как же это все? Для чего же я старалась? Напрягала мысль, придумывала фразы... Занят он. В восемь утра.

– Чем же это ты так сильно занят, Киречка, не успеv еще рабочий день начать?

– Да если бы! Не успеv... У меня, к твоему сведению, день еще час назад начался, а с минуты на минуту прибудет комиссия из Москвы, начнут мозг выносить... Чего ты хотела-то? Опять какое-нибудь дело почитать? Не предназначенное для посторонних лиц.

– Какое же я постороннее, Киречка? Я, можно сказать, в вашей фирме – родное уже. Лицо.

– Не знаю, Таня, время сейчас очень неподходящее. Эти приедут, а тут ты сидишь... Давай в другой раз как-нибудь. Завтра там, или когда...

– Ну Киречка, ну пожалуйста! Я быстренько. В уголок забьюсь, меня и не заметит никто.

– Татьяна, не дави. Когда можно, сама знаешь, я всегда готов. Но сейчас... не время.

– Ладно, черт с тобой. Скажи хотя бы, кто занимается этим делом, а подъеду, так уж и быть, в другой раз.

– Какое дело-то? Ты так и не сказала. А еще требует чего-то...

– Не сказала? Как это я... Убийство. Артемьев Иван Алексеевич. Это – потерпевший.

– А подозреваемый Смирнов?

– Точно.

– Ну, считай, что тебе повезло.

– Правда?

– Правда. Дело у Миши. Миша Пронькин, помнишь его? Вы как-то встречались уже, вот как раз по такой же теме. Ты, как обычно, напросилась дело посмотреть, а он его вел. А сейчас, в связи с нехваткой производственных площадей, Миша у нас в пристройке сидит, знаешь, там, где архив?

– Ну да, знаю.

– Ну вот. Комиссию я туда не поведу, так что можешь позвонить ему, считай, что от меня добро получено. Разве что сам он тебя вытурит.

Ну, это уж разве в фантастическом сне случится. А если я ничего не путаю в своих воспоминаниях относительно Миши, он меня не только не «вытурит», а чаем напоит, рассмешит и все возможные и невозможные сведения по интересующему меня делу выложит как на духу. Похоже, в этот раз мне и правда повезло.

– Кирюш, спасибо тебе большое. Только я телефон его, Мишин, удалила давно. Скинешь номерок?

– Одни проблемы с тобой. Ладно уж, скину.

В трубке раздались короткие гудки и через минуту пришло SMS с номером Миши.

Узнав, кто звонит, тот очень обрадовался и не только не проявил никаких поползновений к «вытуриванию», а, наоборот, приглашал в гости так, как приглашают лучшего друга, по которому очень соскучились в долгой разлуке.

«Вот это я понимаю – настоящая человеческая благодарность, – думала я, садясь в машину. – А этот Киря... Сатрап просто. Сколько я ему помогала, скольких злодеев на блюдечке с голубой каемочкой преподнесла, и все равно, каждый раз, как нужно посмотреть дело, приходится упрашивать и клянчить. Как будто мне одной это нужно. Как будто это я очередное раскрытие в отчет запишу... Хотя, я, конечно, тоже запишу, но ведь и Кире от меня нередко перепало. Какая короткая память у некоторых на добро!»

Между тем на дорогах повсюду бушевал утренний час пик, и я еле-еле продвигалась вперед в плотном потоке машин, зажата с одной стороны огромной бетономешалкой, а с другой – малокалиберной корейской иномаркой. За рулем игрушечной машинки сидела девушка и, пока все прочие со зверским выражением на лицах не переставая сигналили друг другу, она, как беззаботная птичка, щебетала по телефону, кажется, очень довольная, что пробка движется медленно и можно всласть наговориться с подругами.

Наконец я доползла до поворота и с облегчением надавила на газ, радуясь, что теперь можно нормально ехать.

Добравшись до нужного учреждения, я действительно увидела целый кортеж представительских авто, блистающих черным лаком, и здоровенных громил в классических костюмах, судя по всему, в ожидании.

Скромно припарковавшись вдали, так, чтобы не попадать в поле зрения громил, я обошла кругом административное здание и зашла со двора, где пугающих кортежей не было и где располагался архив.

– Здравствуй, Миша, здравствуй, дорогой! Сколько лет, сколько зим!

Миша Пронькин – жгучий усатый брюнет, похожий на армянина, поднялся с места и раскинул руки так, будто собирался меня обнять.

Наше знакомство с ним состоялось по поводу одного запутанного дела, которое он, тогда еще неопытный, только-только приступивший к работе следователь, сумел распутать лишь благодаря моему горячему участию. И, в отличие от неблагодарного Кири, Миша помнил добро.

– Танечка! Очень рад тебя видеть. Теперь я точно знаю, что это дело будет раскрыто. А то уж было совсем отчаялся.

– Что, сложно?

– По всем признакам – стопроцентный глухарь. Чаю хочешь?

– Не откажусь. А почему глухарь-то? Вы ведь даже арестовали уже... убийцу-то.

– Ладно, ладно. Смейся над нами, беззащитными. Только как еще мы сможем на что-то реальное выйти? Сама подумай. Оружия – нет, подозреваемых – нет... Ну, кроме Смирнова, конечно.

– А Смирнов подозреваемый?

– Ну, как тебе сказать... По крайней мере он – единственный, у кого прослеживается хоть какой-то мотив. А в остальном вообще все глухо. Если и Смирнов исчезнет из поля зрения, тогда вообще дело можно в архив сдавать...

– Тебе тут и недалеко.

– Ну да. А так – посидит, подумает, может, и вспомнит чего. Там тусовка-то одна, свои наверняка знают, что к чему. Только нам не рассказывают. А у нас методов воздействия не хватает, чтобы как следует их «поколоть».

- Попробуй электрошокер.
- Очень смешно. Я ей о деле говорю, а она... зацепок здесь нет, понимаешь? Предъявить нечего. В деле Смирнова, кроме этих прыщей у его девушки, и нет ничего, а какая это зацепка?
- Тут ты прав, зацепочка слабоватая, – говорила я, вспоминая, что рассказывала мне Мила. – А кто про прыщи информацию слил?
- С этим тоже анекдот. Хочешь верь, хочешь нет – никто не слил.
- Это как? Тогда откуда же ты знаешь? И на каком основании Смирнов арестован?
- Смирнов задержан до выяснения, а основание – происшествие на конкурсе красоты, в котором, предположительно, мог быть замешан Артемьев, которому Смирнов, предположительно, в связи с этим мог хотеть отомстить. Сам по себе случай – не секрет. Можно сказать – достояние общественности. Но то, что прыщи – результат чьего-то целенаправленного воздействия, на эту тему никто не колетса, как я ни старался. «Может быть, да, а может быть, и нет». Свечку они не держали.
- Да, похоже, все даже хуже, чем можно было бы предполагать.
- О чем я и говорю.
- А оружие, говоришь, не нашли?
- Не нашли, Танечка, не нашли. Не оставил нам преступник подарочка.
- А из чего стреляли?
- Ну, судя по гильзе и по калибру, похоже на пистолет Макарова. Стрелявший явно не новичок в своем деле, уложил с одного выстрела и попал точно туда, куда метил. Прямехонько в позвоночник. Шейный отдел. Представляешь? Даже если не наступит мгновенная смерть, что очень и очень маловероятно, все равно полный паралич обеспечен...
- Ну, если из «макарова», то это да. Это не оптическая винтовка. Это надо... тренироваться. Да еще ночью...
- Ну, насчет условий я бы не говорил. Там у ворот освещение хорошее и стреляли, видимо, с близкого расстояния. То есть относительно. Не за километры. Напротив коттеджа, где живет... то есть жил Артемьев, что-то вроде посадки, лесок такой. У него дом в крайнем ряду. Так вот, стреляли, скорее всего, оттуда. Место мы осмотрели, там с другой стороны этого леса – грунтовка, то есть пути отступления обеспечены в лучшем виде... Что еще? Оружия нет, это я говорил...
- Подозреваемых тоже нет...
- Да...
- Сам-то что думаешь?
- Да что тут, Танечка, можно думать? Думать хорошо, когда факты есть. А тут... Киллер – нанятый, больно уж стреляет хорошо, а заказчик... с заказчиком проблема. Да еще какая.
- Насчет киллера, про охранников не думал?
- Думал, Танечка, думал. В первую очередь про них подумал, только, понимаешь, какая штука – алиби у них. У всех до единого. Артемьевские до последней минуты с боссом были, они просто по времени не успели бы перестроиться и нужные позиции занять. Да и с мотивами здесь... туговато. Это если бы Смирнов был убит, тогда еще... А смирновские вместе с боссом с праздника в сауну поехали и там так отдохнули, что их вместе с хозяином банная прислуга по домам развозила.
- То есть сам Смирнов был в тот вечер никакой?
- Ну да. Поэтому я и говорю, исполнитель – скорее всего, нанятый. Но единственный мотив – у Смирнова. Поэтому мы и задержали его... до выяснения.
- А с выяснениями пока...
- С выяснениями пока никак.
- Кого опрашивали?

– Да всех почти. Жен, любовниц... правда, смирновскую любовницу не вызывал пока, она болезнью мотивирует.

– Некрасивая?

– Ну да, наверное.

– А эту, что первое место заняла, ее опросил?

– Ее опросил. Но мог бы и сам написать. «Не знаю», «не помню», «не видела», «не слышала». В виновность Смирнова не верит, кто может быть заказчиком, не знает. Вообще должен сказать, девушка не очень разговорчивая. Сейчас у матери живет, из артемьевского дворца переехала. Наверное, поэтому такая грустная.

– А жены что говорят?

– Да, похоже, обе рады.

– Неужели?

– Хочешь верь, хочешь нет, а впечатление складывается именно такое. Смирновская, так та прямо открытым текстом говорит: «Так ему и надо, кобелю несытому». А артемьевская внешне вроде бы и в печали, но глазки горят – наследство у мужа, похоже, неплохое. Чай, тоже натерпелась, бедная. Смирнов, тот хоть просто по бабам бегал, а у Артемьева, по слухам, еще и характер был... тот еще. Да что я тебе рассказываю, вот дело – садись, читай. А я пока бумагомаранием займусь, столько форм приходится заполнять, работать некогда.

Я взяла дело и устроилась у окна.

Первым номером шел протокол допроса жены Артемьева, Натальи, все содержание которого можно было уместить в одной фразе: «Я не я, корова не моя». Про конкурс красоты она слышала, но кто в нем участвовал и какое касательство к этому мероприятию мог иметь ее муж, она не знает. С Игорем Смирновым она знакома, но не близко, видела его редко и какие претензии тот мог иметь к мужу, предположить не может. С охранниками мужа тоже особо не контактировала, разве что когда ездила куда-то вместе с мужем на его машине, тогда их сопровождали. Но никаких посторонних разговоров при этом не происходило, и мог ли кто-то из охраны затаить зло на мужа, она не знает.

В общем, документ оказался на редкость емким и содержательным.

Приблизительно то же стояло в протоколе допроса Ирины Смирновой, с той только разницей, что тон высказываний был весьма резким и агрессивным. Обвинения против мужа Ирина считала полным вздором, но насчет пребывания его в тюрьме нисколько не возражала. Фраза «так ему и надо», произнесенная Мишей, оказалась дословной цитатой, и этот негативный посыл Ирина мотивировала тем, что «надоели бесконечные пьянки-гулянки и всякие посторонние бабы». По поводу Артемьева Ирина высказывалась доброжелательно и с сочувствием. Наверное, не знала, что «пьянки-гулянки» с посторонними бабами друзья проводили вместе.

Лично меня во всем этом поразила похожесть настроения Ирины и Оксаны. Обе не скрывали своей радости по поводу случившихся неприятностей, но если в отношении Оксаны я была практически уверена, что сама же она эти неприятности и подстроила, то в отношении Ирины вопрос оставался открытым.

«...и от мужа избавится, и барахло к рукам приберет...» – вспомнились мне слова Милы. Действительно, может ли Ирина быть заказчицей в этом деле? Пожертвовать жизнью ни в чем не повинного человека только для того, чтобы заполучить «мясную империю»? Не знаю... на мой взгляд, цена великовата. Но я ведь не знаю эту Ирину. Может быть, она – монстр. Еще похлеще Оксаны. И потом, здесь могут оказаться и другие мотивы. Может, это не сам Смирнов, а как раз его жена имела какие-то претензии к Артемьеву...

Что ж, пожалуй, эту версию пока оставляем рабочей. За отсутствием четких «за» и «против», а также других версий. У охранников алиби... Ах ты, чтоб тебя! Кто же тогда стрелял?

После Ирины шел протокол допроса Кати, девушки Артемьева и победительницы конкурса красоты. Единственное, что можно было извлечь из ее слов, это то, что девушка обладала виртуозным умением, говоря, не сказать ничего. Здесь даже не было отмечено, что она сейчас живет у матери, и все, что вы могли узнать из документа, это что ее не было на корпоративной вечеринке и весь тот вечер она провела «дома». То есть в артемьевском коттедже.

Показания охраны производили впечатление списанных под кальку. Смирновские, все как один, говорили, что приехали в сауну и дальше ничего не помнят, а артемьевские – что довели босса до ворот, после чего он вышел из машины и приказал им убираться ко всем чертям. Вошел ли он внутрь, они не видели, поскольку поспешили выполнить приказание. От дома Артемьева уехали все вместе, а в городе шофер развез их по домам, после чего и сам вернулся в лоно семьи.

Самым отвратительным в показаниях охраны было то, что, при всей их незатейливости, они выглядели вполне достоверно и губили на корню все мои предположения насчет того, откуда мог взяться исполнитель. Предположения, на которые я возлагала столько надежд!

После протокола допроса охраны шли показания самого Смирнова, но они тоже мало впечатляли. В свою защиту он мог сказать только то, что с Иваном Артемьевым был дружен, ни моральных, ни материальных претензий к нему никогда не имел, а по поводу случая на конкурсе красоты вовсе не уверен, что это – дело рук Ивана. Поэтому и мстить ему было не за что. В тот вечер он вернулся домой поздно и в изрядном подпитии, поэтому сам никак не мог стрелять, а киллера тоже не нанимал, потому что, как уже говорил, незачем.

Из непосредственных участников конкурса, кроме уже опрошенной Кати и «заболевшей» и поэтому еще не опрошенной Милы, имелся протокол допроса некой Регины, получившей титул вице-мисс. Вот тут речи лились ручьем!

Польщенная вниманием девушка, почувствовав свою причастность к важному делу и то, что от ее показаний могут зависеть человеческие судьбы, постаралась сообщить не только то, о чем действительно знала, но и то, о чем догадывалась. Показания занимали три листа, и, думаю, следовательно, работавший с ней, проклял час своего рождения во время этого допроса.

Однако и за всем тем в сухом остатке было все то же намазанное каким-то загадочным составом лицо Милы и мстительные настроения Смирнова по отношению к Артемьеву.

Впрочем, какими бы непутевыми ни были показания словоохотливой Регины, думаю именно они стали основанием для ареста Смирнова и в этом смысле сыграли свою роковую роль. Девушка старалась не зря.

После ее показаний шли опросы соседей по коттеджному поселку, которые тоже никого не видели и ничего не знают, и этим содержание дела практически исчерпывалось. Были еще заключения экспертов по поводу предполагаемого оружия и вещдок в виде стреляной гильзы в полиэтиленовом пакетике, но обо всем этом я уже знала из разговора в Мишей.

– А коллег не опрашивали?

– Что? – недоуменно поднял он голову от бумаг. – А... извини, это я тут... углубился. Коллег, говоришь?

– Ну да, работников его предприятий. Ну, то есть не тех, что в цехах, разумеется. Менеджеров, директоров... секретарш. Эти девушки-то, они как в красивые коттеджи попадают? Чай, не с улицы?

– Девушки-то да. Девушки не с улицы. Эта Катя, которая конкурс выиграла, она вроде бы даже работала там какое-то время. На предприятии. Молоко принимала. У него же комбинат по переработке молока, если я не путаю. А у Смирнова – мясо. Правильно?

– Правильно. И мне кажется, что с этими переработчиками тоже не мешало бы побеседовать. Ну, если с подозреваемыми, как ты говоришь, совсем глухо. Глядишь, может, и проявится что.

– Не все сразу, товарищ начальник. Его убили-то... считай, вчера. Я и так стахановскими темпами по этому делу работаю. А оно у меня не одно, сама понимаешь.

– Понимаю... Ну тогда на связи? Кто что надывает, щедро с другим делится. Если чего узнаю, я тебе позвоню, если ты что новое нароешь – ты мне. Лады?

– Идет. А кто тебе расследование заказал? Что-то не верится, что жена Смирнова.

– Угадал, не она.

– А кто?

– Это секрет. Данные клиента не разглашаются.

– Вот ты как... А я еще ей дело показывал...

– Ладно, Миш, не дуйся. Клиента я и правда слить не могу. Кто мне тогда доверять будет? Я тебя по-другому отблагодарю. И информацией поделюсь, а там, глядишь, и преступничка выловлю. Из омута из какого-нибудь. Так ведь бывало уже, если помнишь.

– Как не помнить! Если бы не ты, так и ходил бы я с биркой, что на первом же деле обо... облажался.

– Вот-вот. А коллективная работа, она всегда результативнее бывает. В общем, не буду больше тебя задерживать. Трудись. Возникнет что новенькое – звони. Ну и я со своей стороны... обещаю. Бывай!

Подарив Мише на прощание бодрую и оптимистическую улыбку, я вышла на воздух в большом смятении.

Информация, почерпнутая из официальных допросов, делала бессмысленными все мои вчерашние предположения и намеченные на сегодня планы. Надеюсь, что работа полиции в чем-то облегчит работу мне, я и подумать не могла, что это облегчение окажется таким всеобъемлющим. Собственно, после того, что я узнала от Миши, я могу не только не ездить к женам, я могу вообще никуда не ездить. Какой смысл? У всех алиби. Предполагаемые заказчики в тот вечер были либо невменяемы, либо на виду у чад и домочадцев, частному сыщику Татьяне Ивановой не о чем было с ними разговаривать.

Печальная, села я за руль и вместо всех запланированных на сегодня точек посещения, поехала обратно домой.

А как хорошо начиналось! Какая бодрая, какая активная и дееспособная выходила я сегодня из квартиры. И вот итог. «Оружия нет, подозреваемых нет...»

Да уж, глухарь он и в Африке глухарь.

Куда мне сейчас ломиться? Вот что хотела бы я знать.

Поднявшись к себе на седьмой этаж, я в бессилии рухнула на диван, хотя уставать, собственно, было не от чего. Но материальное и нематериальное в этой жизни взаимосвязаны, и давно не секрет, что моральное состояние человека влияет на физическое. Упадок духа, посетивший меня после чтения протоколов, сказывался на всем, и даже кофе готовить не хотелось.

Для чего мне сейчас мозговой штурм? Штурмовать нечего.

Кому могло понадобиться это убийство? Ирине? Наталье? А может, они сговорились и решили одним разом избавиться от обоих надоевших мужей?

А что – мысль. Артемьев, как отошедший в мир иной, уже никогда никому не помешает, Смирнов, как главный подозреваемый, тоже имеет все шансы надолго сесть в тюрьму. А девушки – с бабками и на свободе.

Между прочим, если это Ирина подстроила убийство с расчетом на то, что мужа арестуют по подозрению, это означает, что она была очень хорошо осведомлена о его «левых» делах. И о конкурсе, и о том, что там произошло. И что замешан в этом был Артемьев. Иначе откуда могла взяться уверенность, что подозревать станут именно Смирнова? Подозревать как «мстителя».

Неплохо было бы это проверить.

Вообще, что это за люди, Смирнов и Артемьев? Насколько можно доверять характеристикам, которые слышала я от посторонних? Насколько верны утверждения, что были они друзьями?

Я постаралась припомнить веселую вечеринку, где перетанцевала почти со всеми, и выделить из этого ряда интересующих меня индивидуумов. Что там шептали они мне на ушко?

Профессиональная память, даже под действием шампанского не утратившая своих свойств, восстанавливала из небытия смутные образы, и я припоминала, что Артемьев и впрямь действовал напористо и нагло, а Смирнов имел какие-то кошачьи повадки и, по ощущениям, был из тех, про кого говорят «скользкий тип».

Что ж, пожалуй, характеристики «родных и близких» недалеки от истины. А главное, если бы такой человек, как Смирнов, оказался заказчиком, я бы ничуть не удивилась. Правильно Миша сделал, что закрыл его. Целее будет. Кто знает, может, прыщи только для отвода глаз. Может быть, во взаимоотношениях двух «друзей» были какие-то нюансы, широкой общественности пока не известные, но в качестве мотива для убийства вполне подходящие.

Может быть, может быть... Только вот как мне перевести это «может быть» в реальное «есть» – вот что я хотела бы знать.

Чертов Миша! Все планы мне спутал.

Конечно, я прекрасно понимала, что Миша здесь меньше всего виноват, но ощущение полного тупика было настолько удручающим, что так и хотелось обвинить кого-нибудь. Если уж не в убийстве, то хоть в испорченном настроении.

Погадать, что ли? Может, хоть кости чего предскажут? А то совсем что-то я расклеилась. Что ждет меня с этим расследованием? Очередной успех или первый в моей карьере детектива провал?

Вопрос не праздный. Судя по тому, как складываются обстоятельства, он стоит сейчас ребром.

Я достала из мешочка гадальные кости и бросила на диван.

Выпало: «22 + 28 + 2» – «Благоприятная ситуация, предсказывающая успех и счастье во всех сферах жизни».

Хм...

Впрочем, не верить предсказанию у меня не было оснований, гадальные кости никогда не подводили. Просто реальное положение вещей на данный момент было настолько далеко от «успеха и счастья», что такой оптимистичный прогноз поневоле наводил на размышления.

Наверное, успех ждет меня где-то там, в будущем. Не сегодня. А чтобы добиться его, нужно... нужно...

О-хо-хо... Похоже, нужно начинать с самого начала. С чистого листа.

Конечно, следователи хорошо поработали и многое выяснили. Я и сама кое с кем поговорила. И не без пользы. Но результат всего этого на сегодняшний день один – полное отсутствие версий.

Значит, где-то допущена ошибка. И поскольку где именно – не известно, значит, надо заново пересмотреть весь процесс, проведя расследование от начала до конца по общепринятой классической схеме. А с чего оно начинается по этой схеме? Правильно, с осмотра места преступления. Следователи, полиция это место осмотрели. А я – нет.

Значит, что? Значит, ноги в руки и на старт.

Часы показывали половину второго и, наскоро перекусив, я снова спустилась к машине. Правда, не в таком радостном настроении, как утром, но и не в таком унылом, как по возвращении от Миши. Оптимистичное предсказание все-таки несколько взбодрило мой упавший дух, и хотя готовности свернуть горы я не ощущала, но жажда деятельности уже пробудилась, и не хотелось больше сидеть сложа руки и смотреть в стену.

* * *

Адреса, которые могли бы мне понадобиться, я переписала в свой блокнот еще по ходу изучения протоколов, так что предполагаемое место преступления отыскала без труда.

Солидный забор и причудливой конфигурации крыша, из-за него выглядывающая, предстали моему взору, когда я нашла дом с нужным номером среди множества вполне добротных и солидных строений. Коттеджный поселок, где обосновался господин Артемьев, был одним из порождений нового времени и здесь не встречалось древних избышек, домики были как на подбор.

Участок Артемьева действительно располагался в крайнем ряду и с дороги, шедшей вдоль этого ряда, по которой я двигалась сейчас на самой малой скорости, видна была лесопосадка, о которой говорил Миша и откуда, по всей вероятности, и произвели роковой выстрел.

Доехав до конца улицы, я свернула к лесочку и, немного покатавшись туда-сюда, выяснила, что «пути отступления» здесь и впрямь очень удобны. Лесопосадка была достаточно узкой, чтобы за несколько минут ее можно было пересечь пешим ходом, и в то же время достаточно густой, чтобы в ней спрятаться. Особенно ночью.

Поставив машину с другой стороны леса, вне поля зрения жилых строений, я вошла под сень деревьев и попыталась найти место, которое сама посчитала бы удобным для засады, если бы задумала убийство.

Найти его не составило труда. Прямо напротив больших ворот из профнастила деревья образовывали густую сень, и того, кто задумал бы встать посреди тесно переплетающихся ветвей, наверняка не было бы заметно даже с грунтовой дороги, проходящей в двух шагах отсюда, непосредственно перед посадкой. Тем более его не заметили бы от ворот. Артемьев стоял лицом а забору и спиной к деревьям и даже случайно не мог заметить, что в него целятся.

Кстати, о случайностях. Ведь стрелок не мог заранее знать, что клиент захочет облегчиться. Зато он наверняка знал, что король йогуртов ездит с охраной. И, зная все это, сидел в засаде и терпеливо ждал. На что он надеялся? Случай-то, по большому счету, выдался эксклюзивный.

А если бы охрана осталась ждать? Удостовериться, что босс целым и невредимым вошел в ворота? Тогда следовало отказаться от затеи или перестрелять всех, иначе сам рисковал попасться на месте преступления.

Н-да-с... Нужно отметить еще и то, что стрелок заранее не знал, где именно по отношению к нему будет находиться Артемьев. Выходит, что жертва сама, так сказать, себя подставила, да еще постояла, подождала, когда в нее хорошенько прицелятся, это ведь просто подарок судьбы.

Если бы все произошло по-другому? Если бы Артемьев вышел из машины и, не мешкая, отправился прямехонько домой? Тогда в распоряжении стрелка – несколько секунд. И если этот человек надеялся за такое время успеть сделать все, что ему было нужно, значит... Значит, Эмма права, мы имеем дело с профессионалом. Конечно, не обязательно с профессиональным убийцей, но с профессиональным и опытным стрелком, без сомнения.

И между прочим, далеко не каждый частный охранник обладает подобными качествами. Так что, может, и не стоит особенно переживать из-за того, что у всех охранников алиби. Может, они к таким вещам и отношения не имеют. Может, никто из них с десяти шагов и в стену сарая не попадет.

Нет, все-таки в который раз убеждаешься, действие – лучшая панацея от всего. Вот стоило мне совершить незатейливое, казалось бы, действие, осмотреть место преступления, и сколько новых мыслей, сколько идей зароилось. И надо мне было сидеть дома целых два часа в бесплодном унынии...

Еще раз на прощание окинув взглядом облюбованную мною позицию, я заметила даже несколько сломанных ветвей, открывающих лучший обзор нужных ворот. Конечно, совсем не обязательно, что сломал их загадочный стрелок, но... все может быть. Возможно, и единственный вещдок – гильзу нашли где-то здесь.

Примерившись к веткам, я определила, что если сделано это с той целью, о которой я думаю, то человек должен быть немного выше меня ростом, то есть высокий, под метр девяносто.

Удостоверившись, что место преступления осмотрено тщательно и мне больше нечего здесь искать, я вернулась к машине.

Обратно я решила проехать там, где, по моим предположениям, мог бы ехать убийца.

Грунтовка долго шла вдоль посадки, потом огибала небольшое озеро, затем петляла между какими-то одноэтажными постройками, с виду напоминающими коровники, и только потом выходила на асфальтированную трассу, ведущую в коттеджный поселок, и, соответственно, выводящую из него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.